УДК 10(09)

С.В. Соловьева*

ВЛАСТЬ И ЧЕЛОВЕК: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ВЛАСТИ

В статье предложен проект философской критики и апологии власти, цель которой – рассмотреть последнюю как онтологическое основание событийности человеческой жизни. Этот проект может продемонстрировать, что человек стоит на стороне власти, обладание ею онтологически естественно для него.

Ключевые слова: власть, человек, экзистенция, экзистенциальный смысл.

Настроение, царящее среди исследователей власти в интеллектуальном сообществе, выражается в несогласии с идеологической и политической практикой утверждения власти в социуме. Цель интеллектуальной критики и деконструкции власти – показать ее тайные и скрытые механизмы господства, способы пластической трансформации субъекта, его подчинения институциональным установлениям контроля и порабощения. Идеологическая линия, связанная с институтами государственной власти, напротив, создает апологию власти как порядка и преданности установлениям закона. Несмотря на очевидное различие интеллектуальной критики власти и политической апологии, власть предстает как верховенство порядка и закона, трансформирующих жизнь человека через механизм господства и контроля.

Востребованной стратегией исследования власти является ее тотальная критика, где власть понимается как репрессивный механизм, внутрь которого загоняется субъект. Она говорит об ужасе власти, связывая ее с насилием, господством, подчинением, а подчас и о ее кровавом характере. Власть приносит страдание, причем не только тем, кто ей подчинен, но и властителям. Еще Ксенофонт написал трактат о тирании и сформулировал важную проблему политического дискурса: может ли тиран (властитель) быть счастлив? Ксенофонт, как и многие другие, высказывает сомнения на этот счет. Множество художников и философов изображали трагедию человека власти: власть не только отворачивает от счастья, но и приносит ужас смерти в жизнь тех, кто вошел в ее пространство. Мотив тотальной критики власти вполне оправдан в общечеловеческом смысле, более того, он весьма популярен в культуре и обществе.

Разгромная критика власти и ужасов ее действия стратегически продуктивна, но не единственна. Думаю, необходимо встать на сторону власти и предложить позитивный проект ее исследования и критики. Не против власти, но на стороне власти – вот главный пафос и идея насущного проекта. Кажется, подобный ракурс вписывается в идеологический запрос политиков и государства, но это не совсем так. Философский проект апологии власти располагается на стороне научной критики власти, цель которой – выяснить ее основания. В философии апология власти создавалась в рамках метафизики, которая выделила трансцендентный план власти, ее созидающий характер, связь с бытием. Время метафизики прошло, но не исчезла потребность в позитивном определении власти. В работе «Понятие власти» А. Кожев отмечает, что

---

* © Соловьева С.В., 2010

Соловьева Светлана Владимировна (metaphisica@rambler.ru; solov@ssu.samara.ru), кафедра философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств, 443010, Россия, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

проблема сущности власти изучена мало: исследователей и философов больше интересовало политическое измерение власти, проблема происхождения власти и способов ее передачи [1]. Онтологическая линия анализа власти, насущная и в научном, и в социальном плане, располагается на стороне экспликации ее экзистенциального смысла. Подобный проект может продемонстрировать, что власть не только размежевывает жизнь людей по своему усмотрению, но человек стоит и на стороне власти, быть «в ситуации власти» онтологически естественно для него.

В известном фильме «Распутник» Л. Данмора Чарльз II говорит оппозиционеру, борцу с существующими принципами морали, артистической фигуре и поэту Джону Уилмоту графу Рочестеру: «Любой может быть “против”. “Против” – быть весело, но приходит время, когда пора быть “за”». Настало время, когда философия должна говорить не только «против» или быть «по ту сторону», но высказать и «по эту сторону» положительное суждение, выражающее научную и этическую позицию тех, кто живет, познает и действует в современном нам мире. Сходную мысль выражает А. Бадью, который говорит о том, что философия должна предъявить свою позицию, адресуя ее человеку таким образом, чтобы можно было выживать, сохраняя достоинство и этическую состоятельность в мире неопределенности и различия. «Истина в том, что на территории нерелигиозной мысли, мысли действительно современной истинам нашего времени <...> подлинный – и необыкновенно трудный – вопрос заключается в признании Того же. <...> Любая жизнь, включая и жизнь человеческого животного, пребывает относительно Добра и Зла по эту сторону», – пишет А. Бадью [2, с. 44, 87].

В философии назрела необходимость эксплицировать неинституциональный смысл власти. Понимание социальной реальности как событийной позволяет по-новому сформулировать проблему власти и выявить ее экзистенциальный смысл. Для основной массы исследователей ведущей формой власти выступает господство; представляется, что существуют альтернативные господству формы власти в обществе и культуре, которые ярко объявляют о себе, но до сих пор не попали в фокус научного и философского анализа.

Как полагает С.С. Хоружий, наиболее радикальную альтернативу эссенциалистской философии составляет понятие энергии, когда оно принимается в качестве доминирующего и производящего принципа философского дискурса. В рамках дискурса энергий возможно создание нового типа онтологии и философской антропологии. Философское творчество С.С. Хоружего – достойный пример в создании энергийной онтологии и антропологии, которая обсуждает проблемы человеческого бытия (через обращение к духовным практикам исихазма и православной аскезе) в дискурсе энергий, становления, силы и подвига. Перевод проблемы описания энергий в область светского бытования человека также может быть продуктивен. В рамках позитивного исследования власти было бы перспективно описание таких регионов экзистирования, которые делают феноменологически доступным бытие человека со стороны силы и энергии его существования (совесть, любовь, священное, богатство, справедливость и пр.). Так возникает взгляд на человека и его социальное бытование как на «энергийное образование», в котором место институционализированного субъекта, находящегося в границах социальных институтов, занимает сила, представляющая текучее, подвижное и пластическое начало бытия, которое способно вносить в жизнь человека и напряжение, и порядок.

Из горизонта обыденного и очевидного представления точкой встречи/пересечения человека и власти является «человек власти». Кто он? Ж. Батай выделяет три типа человека власти, способных управлять силой экзистенции, «которые играют или пытаются играть решающую роль» [3, с. 150]. Первый тип Ж. Батай называет «воо-

руженный громила», который управляет силой и людьми посредством «насилия извне тем, что его затрагивает». Второй тип человека власти – «трагический человек», или тот, кто осознает свое существование, знает, что «пребывает во власти абсурда человеческих отношений, природы, но сам утверждает ту самую реальность, которая не оставляет ему другого выхода, кроме преступления». Возможно, такой фигурой был Раскольников в начале романа. Наконец, третий тип человека силы и власти – это человек закона и слова, которого «мы привыкли считать человеком комедии». Самым могущественным типом властителя, управляющего силой и ресурсом человека, может быть назван трагический человек. Могущественность второго типа человека как субъекта власти заключена в том, что он является свободной силой, силой, «ведущей поиск существования, которому она могла бы служить». Для Ж. Батая человек трагедии сосредоточивает в себе главный вопрос социальной жизни, он несет в себе глубину человеческого существования, затерянного в безбрежности универсума. Противоположностью человека трагедии является громила, которому неведом внутренний конфликт, вместо него он находится в стихии внешних конфликтов [3, с. 150–151].

Другую типологию «чистых» человеческих типов власти предлагает А. Кожев. Он выделяет четыре субъекта власти: отца, господина, вождя и судью. Первый тип – власть отца (родителя) над ребенком, которая проистекает из значительного различия в возрасте. Примерами могут служить власть старших над молодыми, власть традиции, власть творца над творением (теологическая теория власти). Второй тип – власть господина над рабом (варианты: власть мужчины над женщиной, военного над штатским, победителя над побежденным и пр.) – разработан у Гегеля. Третий тип – власть вождя над толпой (от нее идет власть вышестоящего, власть учителя, проповедника, ученого, пророка и пр.). Наиболее ярко, как полагает Кожев, этот тип власти осмыслен и описан Аристотелем. Наконец, четвертый тип – власть судьи (власть контролера, цензора, арбитра, власть справедливого и честного человека) – концептуализирован в философии Платона [1, с. 26–27]. Предложенная типология субъектов власти Кожева достаточно емкая, но в современном социальном бытовании человека происходят изменения, которые становятся своеобразными вызовами для экзистирования человека в мире.

М. Фуко говорит о появлении новых типов, новых субъектов и стратегий власти. Он высказывает предположение, что критический дискурс и манифестация сексуального наслаждения в сегодняшней культуре выступают как модель новой стратегии власти. Власть осуществляет себя не по принципу запрета, урезания или создания ситуации нехватки, а по принципу навязывания и конструирования ситуации избытка. Изменилась стратегия власти, которая уже не может быть сегодня понята ни в терминах насилия и запрета, ни в терминах закона. Она уже не опирается на право и смерть, а функционирует как полиморфная техника управления жизнью в форме советов и рекомендаций специалистов. Ведущим субъектом власти становится эксперт.

В известном смысле Фуко прав: общество изменилось, а значит, происходит модификация субъектов власти и тех властных стратегий, которые человек использует для обживания в «ситуации власти». Думаю, субъектом власти является каждый, вхождение человека в ситуацию власти всегда связано с решительностью и совершением выбора, а также со способностью человека влиять на экзистенциальный выбор другого. И тем, и другим обладает каждый, и тот, и другой опыт есть у каждого. Кто же человек власти? Это тот человек, который способен входить в ситуацию свободы, поддерживать собственные силы ощущением полноты бытия и возвышенности над обстоятельствами мира сущего. Х. Ортега-и-Гассет такого человека называл джентльменом, это тот, кто позволяет себе «роскошь играть по правилам», жизнь его пронизана «чувством жизненной свободы, основана на преизбытке власти над обстоятель-

ствами», «джентльмен стремится жить в подлинном мире максимально насыщенной жизнью» [4, с. 203–204]. А может быть, это человек Чехова, желающий вытравить из себя раба по капле? Человек власти – это человек, который принимает вызов общества, истории, Другого, это человек, способный расслышать зов бытия и войти в него как в ситуацию власти.

Классическое представление исходит из идеи единства и единственности власти, лежащей в основании социального порядка. Если классическая установка говорила, что только из единства власти может возникнуть порядок, то современный философский взгляд выделяет иное: на платформе разделения, различия (а не единства) рождается власть, которая способствует упорядочиванию социальной реальности. Не единство, а разделение, не тотальность, а события – вот круг понятий и смыслов, которые рождают альтернативные взгляды на действительность власти. Власть событийна и укоренена в жизни человека. На место власти по модели господства и подчинения должны прийти иные типы власти, которые более адекватны свободному экзистированию человека в совместности людей. Если обратиться к экзистенциально значимому опыту человека, то можно обнаружить альтернативные классическому господству/подчинению модели власти.

Если рассматривать совесть, любовь, богатство, священное, технику как опыт власти, то можно обнаружить, что богатство выстраивается по модели власти/владения, совесть – как власть над самим собой, любовь – как власть призывания и признания, в культурном феномене священного власть предстает в образе служения, и, наконец, власть техники функционирует как власть произведения. Указанные типы власти не разрушают экзистирование человека, загоняя его в жесткие рамки социального функционирования, но позволяют сбыться, решиться на событие, сделать свой выбор, а также повлиять на выбор другого без насилия и принуждения.

Экзистенциальный анализ смысла власти открывает новые перспективы для разработки концепта политической власти. Идея «смерти политического», артикулированная во французской философии, – скорее стимул для поиска свежего взгляда на сферу власти. Кризис политического мышления и либеральной идеологии связан, по мнению Ш. Муфф, с нашим непониманием того, что «представляет собой “политическое” в его онтологическом измерении» [5, с. 88–89]. Эта мысль видится верной и призывает научное сообщество обратить внимание на проблему политического, так как от решения этого вопроса зависит будущее демократии. Если власть на стороне человека, то новый концепт политики должен представить социальное и политическое как «экзистенциалы», т. е. быть укорененным в жизни любого человека, что важно в научном и социальном отношении.

В философии предпринимались попытки описания области политического исходя из понимания реальности как событийной. Сопринадлежность события и власти стоит в центре внимания А. Бадью, чья концепция политики строится на понимании власти не как силового отношения, но как события, мыслительного процесса и разрыва в нем. Он определяет политическое как фикцию, которую «политика пробивает событием» [6, с. 53, 61]. Политика – это режим разрыва, а не собирания, это активная интерпретирующая мысль, а не предприятие институтов власти. Избавить политику от тирании истории, привести политику к событию – вот ключевые тезисы и кредо Бадью, которые требуют дополнительного осмысления для успешной разработки концепции политического.

Американский социолог А. Селингмен верно утверждает, что власть, господство и насилие могут на короткое время решить проблему порядка, но не способны обеспечить основу для совместности людей друг с другом. Выдвижение на первый план научного анализа и практики жизни современности проблем консенсуса, идеологии,

экспертиз, технократии, медиа и пр. продиктовано сложными сетями власти, переплетающими человека с семьей, обществом, религиозными, профессиональными и пр. организациями. Современность пытается построить идеологию, позволяющую человеку существовать не во враждебном мире, а в мире открытости и понимания. А это рождает новый импульс для осмысления проблем власти, направленной не против человека, но разворачивающейся из перспективы его самобытного существования. Покорив враждебность природы, мы все находимся в поиске усмирения враждебности окружающей нас социальности. Конечно, попытка основать новое политическое сообщество на базе взаимного выполнения обещаний, с учетом уникальности и ценности человека может показаться очередной иллюзией, но это лишь поверхностный скепсис [7]. Выбранная точка опоры в анализе человека власти представляется адекватной нынешнему положению дел. В обществе уже сформулирована проблема поиска новой основы социального и политического порядка. Более того, обращение к регионам сопринадлежности власти и бытия человека инспирирует поиск новых корневых основ социального порядка, имеющего человеческое лицо.

Библиографический список

1. Кожев А. Понятие власти / пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Праксис, 2006.
2. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2006.
3. Коллеж социологии / пер. с фр., ред. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004.
4. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп., сост. и ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 1997.
5. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник / отв. ред. И.К. Пантин. Вып. 1. М.: ИФРАН, 2008.
6. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубовича. М.: Логос, 2005.
7. Селингмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.

S.V. Solovyeva*

POWER AND MAN: EXISTENTIAL MEANING OF THE POWER

The article offers a philosophic criticism and apology of power, which aim is to analyze power as an ontological basis of human life. This project can show that power not only divides human life at its discretion but also that man is on the power's side, his possession of power is ontologically natural for him.

Key words: power, man, existence, existential meaning.

* *Solovyeva Svetlana Vladimirovna* (metaphisica@rambler.ru; solov@ssu.samara.ru), the Dept. of Philosophy and Political Science, Samara State Academy of Culture and Arts, Samara, 443010, Russia.